
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 351.85

О. Н. Астафьева, О. Г. Аванесова

Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России

Проблемы культурной политики современной России находятся в центре внимания научного сообщества, общественно-политических объединений, государственных структур управления. В XXI в. ресурсы культуры и механизмы культурной политики отнесены к числу эффективных способов влияния на вектор цивилизационного развития. Данная статья вторая из начатого авторами цикла статей о развитии национальной культуры.

Выявляя взаимосвязь между теоретическим осмыслением происходящих изменений и реальными процессами в постсоветский период, авторы раскрывают противоречия между провозглашенной свободой творчества и рыночными условиями функционирования, к которым приходилось адаптироваться российской интеллигенции, художникам, деятелям культуры и образования. Раскрываются формы государственного регулирования социокультурных процессов, цели и принципы проводимой в 90-е гг. культурной политики. Критически переосмысливая опыт того времени, авторы концептуализируют понятие культурной политики, показывая, как внедрение широкой трактовки «культуры» как многогранной целостности привело к расширению задач культурной политики современной России. Недостаточно разработанной, по мнению авторов, остается проблема соотношения механизмов самоорганизации и управления, согласования интересов разных субъектов культурной политики. Без понимания ценностно-смысловых основ культурной политики и особенностей культурно-цивилизационного развития России разработать стратегию государственной культурной политики представляется проблематичным. Предлагаются ценностно-смысловые основания и принципы культурной политики разных уровней, на основе согласования которых можно добиться эффективных результатов социокультурного развития страны в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: культура, культурная политика, социокультурный процесс, ценности, смыслы, культурная жизнь, культурно-цивилизационный вектор, управление, самоорганизация, государство, стратегия государственной культурной политики.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

O. N. Astafieva, O. G. Avanesova

Cultural Policy and National Culture: Prospects of the Modern Russian Strategic Vector

Problems of modern Russian cultural policy are in the center of the scientific community's attention, political associations, government institutions of management. In the XXI century resources of culture and mechanisms of the cultural policy are effective ways of influence on the vector of civilization development. This article is the second one of the cycle of articles on development of the national culture started by authors.

Revealing interrelation between theoretical understanding of happening changes and real processes during the Post-Soviet period, the authors reveal contradictions between the proclaimed freedom of creativity and market operating conditions for which the Russian intellectuals, artists, cultural and educational figures had to adapt to. Forms of state regulation of sociocultural processes, purposes and principles of the cultural policy, done in the 90-s, are revealed. Critically reinterpreting experience of that time, the authors conceptualize the concept of cultural policy, representing that introduction of the broad interpretation of «culture» as many-sided integrity led to expansion of problems of the cultural policy of modern Russia. According to the authors' opinion, the problem of the ratio of mechanisms of self-organization and management, coordination of interests of different subjects of the cultural policy remains to be insufficiently developed. To develop the strategy of the state cultural policy seems to be problematic without understanding of valuable and semantic bases of the cultural policy and features of cultural and civilization development of Russia. The valuable and semantic bases and the principles of the cultural policy of different levels are offered and in case of their coordination it is possible to achieve effective results of the sociocultural development of the country in the nearest future.

Keywords: culture, cultural policy, a sociocultural process, values, meanings, cultural life, a cultural and civilization vector, management, self-organization, a state, a strategy of the state cultural policy.

© Астафьева О. Н., Аванесова О. Г., 2015

Пути российской культуры и модели культурной политики в постсоветский период

Для российской культуры постсоветский период стал временем новых испытаний и поисков. Во-первых, развернулось поистине массовое обсуждение проблем, связанных с современным пониманием культуры как общечеловеческого феномена и культуры отечественной (ее исторических форм и современных характеристик). Во-вторых, общество столкнулось с давлением рыночного контекста, что усилило духовный кризис, начавшийся еще в советский период. В-третьих, в ситуации утраты обществом устойчивых ценностных и смысловых ориентиров возростала потребность в консолидированной стратегии государственной культурной политики.

Упразднение союзного Министерства культуры¹ фактически открыло путь и к новым целям, и к практикам, и к технологиям культурной политики как многосубъектной и многоуровневой: децентрализация интенсифицировала процесс разграничения полномочий и компетенций между государственным и региональным уровнем, обусловила разработку федеральных и региональных программ, внедряя этот организационно-экономический подход, заменивший жесткое нормирование в управлении отраслью и др. Продвижение современных технологий осложнилось слабостью правового поля, отсутствием стратегии государства по адаптации культуры к рыночной экономике, стихийной самоорганизацией социокультурной среды. Вместе с тем в рамках российского культурного ведомства этого периода осуществлялся интенсивный анализ и обсуждался широкий круг проблем, связанных с культурным развитием общества, с законопроектной и правоприменительной деятельностью в отраслевой сфере культуры, а также с национальной культурой в целом.

Последнее десятилетие XX в. показало, что «обвалу отрасли» (по всей стране закрывались библиотеки и клубы, различные ведомства освобождались от «обременительных» сетей учреждений культуры, кинотеатры перепрофилировались в торговые центры, директора театров сдавали помещения в аренду коммерческим структурам, чтобы получить средства для продолжения работы и пр.) не помогли даже законодательно закрепленные властью обязательные объемы финансирования. Несмотря на то, что в ст. 45 закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3512-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» устанавливались размеры ежегодных ассигнований на культуру (в федеральном бюджете выделялось 2 %, а в бюджетах

субъектов РФ – не менее 6 % средств соответствующих бюджетов), к исполнению этой нормы относились безответственно, на что вполне закономерно была реакция М. Е. Швыдкого, высказавшего следующее суждение: «Государство может помогать культуре развиваться, может тормозить это развитие, но российская культура все равно существует и будет существовать» [14]. Надо полагать, что речь шла как о перспективах развития отечественной российской культуры в изменившихся условиях, так и о стремлении руководства к адекватному пониманию новой стратегии развития самого ведомства.

Конструктивные трансформации в управленческой деятельности ведомства постсоветского периода, несомненно, имели место. Так, в это время отраслевые структуры, занимающиеся теоретическими исследованиями отечественной культуры и разрабатывающие культурологический и социокультурный подходы (РИК, ГИИ, НИИ ПКН им. Д. С. Лихачева, РГБ, ГИВЦ МК, профильные вузы и др.), смогли при участии ученых и экспертов выработать ряд новых содержательных аспектов культурной политики, которые публично раскрывались в текстах разного уровня [15, 16, 24]. В практику вводились новые объекты государственно-правового воздействия, такие как «культурные ценности», «культурное достояние», «национальное и региональное культурное наследие», «единое культурное пространство страны» и др. [18]. Но при этом смысловые и терминологические расхождения между теоретическими исследованиями культуры и прикладным анализом культурной отрасли не устранены вплоть до сего дня, что серьезно затрудняет коммуникацию между ведомством и обществом. Наиболее противоречивой остается также аксиологическая база, ведущие принципы деятельности культурного ведомства.

Парадоксально, но только в 2006 г. были сформулированы концепция и стратегические цели культурной политики государства, которые после критики и неоднократного обсуждения на заседаниях Правительства РФ были, наконец, утверждены [17]. Главными ориентирами культурной политики с конца 90-х гг. XX в. выступали Федеральные программы «Культура России» и разные межведомственные программы (в том числе и Национальные проекты), к которым в связи с расширением полномочий МК РФ добавилась позднее государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 гг.» и др.

Вместе с тем в многочисленных официальных документах и программах обозначены именно направления и некоторые ориентиры, но отсут-

ствуют долговременные стратегические цели, не просматривается семантическая основа культурной политики. К объявленному Году культуры в России [26] культурная политика государства практически балансировала между разными содержательными полюсами, формируя порой трудносовместимые содержательные векторы своей деятельности, которые к тому же постоянно изменялись.

Первую линию условно обозначим *консервативной*; она, по существу, осталась от советского времени, поскольку продолжает сохраняться совокупный объект отраслевого управления Министерства культуры РФ. Он состоит из следующих направлений и сегментов: охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры; художественная литература, сценическое, музыкальное искусство, кинематография, художественные народные промыслы и ремесла; музейное дело и коллекционирование; книгоиздание, библиотечное дело, а также иная деятельность, связанная с созданием произведений печати, их распространением и использованием; эстетическое воспитание, художественное образование, педагогическая деятельность, научные исследования в сфере культуры и т. п.; производство материалов, оборудования и других средств, необходимых для осуществления некоторых форм культурной деятельности и т. п. Следует признать, что структура таких направлений в деятельности ведомства формировалась на протяжении XX в.; ныне она продолжает аккумулировать немалые возможности для поддержания отрасли в надлежащем состоянии. Другое дело, что в изменившихся условиях и при сформировавшихся у населения культурных потребностях у министерства крайне узкими остаются возможности решать прежние, а также новые задачи привычными средствами [12, 22, 27].

Следующая линия культурной политики РФ – назовем ее *экспериментаторской* – явно и неявно связана с целями нелиберальных преобразований, с принципами культуры постмодерна, с коммерциализацией всех сфер деятельности, включая духовные, со своеобразным пониманием свободы творчества и критическим настроением к отечественной культуре. Данная линия проявляется в разнообразных формах, транслируется через многие каналы информации, искусство и художественные и «псевдо-художественные» перформансы, за которыми нередко стоит государственное и региональное финансирование. Сторонники этой линии отстаивают принципы свободы экспериментирования, право на новую авторскую интерпретацию первоисточников, что не

всегда является успешным решением. В итоге в российских городах появляются не только современные и высокохудожественные произведения, но и арт-продукты, дизайнерские и ландшафтные решения, порой не отвечающие облику исторических городов и придающие эклектизм культурной среде; на театральных сценах ставятся спорные по художественно-эстетическому воплощению постановки, разрушающие драматургическую классику, противоречащие общественной морали и религиозным убеждениям; создаются фильмы и литературные произведения, искажающие отечественную историю, типологические качества российских народов.

Примечательно, что ни культурное ведомство, ни общество не выработали адекватных позиций на социальные эффекты от творчества авторов, пытающихся убедить публику, что главное в современной жизни связано с разрушением «косных» художественных форм, что российская культура несостоятельна и не отвечает современным мировым «стандартам» др. В связи с этим весьма опасным явлением представляется отсутствие до недавнего времени у культурной политики РФ внятных общественных целей, что не позволяло ведомству не только поддерживать дискурс о «свободе творчества» отдельных художников, но и не забывать об ответственности власти перед гражданами, игнорировать национальные идеалы, духовные основы нашей культуры.

Третья линия культурной политики – *«инновационная»* – начинает оформляться как ведущая; она связана с поиском конструктивной семантики, способной определять деятельность ведомства в развитии российской национальной культуры ближайшего будущего, вырабатывать адекватные способы решения проблем социокультурной практики, в том числе, в кризисных условиях. Подобные стратегии и задачи имманентного и самостоятельного развития отечественной культуры встают перед государственной политикой впервые, начиная с эпохи Петра I. Неудивительно, что данный вектор до принятия «Основ государственной культурной политики» оставался наиболее размытым и неопределенным.

Интеграция культурной политики в структуры государственного управления: проблемы и перспективы

Говоря о длительном периоде поисков адекватных стратегических ориентиров и четких смысловых координат отраслевой культурной политики в постсоветский период, следует учи-

тывать ее интегрированность в государственные институты власти и управления. В связи с этим немаловажное значение имеют те целевые векторы развития, которые властные структуры РФ провозглашали ведущими. В 90-е гг. XX в. либеральная стратегия, по существу, нацеливала интеграцию России на вхождение в общемировое пространство через рынок и демократию, в то время как в новой Конституции РФ был наложен запрет на разработку государственной идеологии. Путем стремительного разрушения и разграбления советского наследия эта стратегия быстро зашла в тупик, вызвав массовое отторжение у граждан.

В нулевые годы XXI в. властная элита и общество активно стали переоценивать возможности РФ к самостоятельному развитию в глобальном мире. Ответной реакцией на противодействие западных стран российской политике выступила консолидация основной части населения, спонтанные проявления патриотизма и мотивация обращения к образцам собственной культуры. Примечательно, что представители высшей власти в своей риторике апеллируют к символам исторической государственности, говорят о православной цивилизации, российском менталитете. Вместе с тем в бизнесе-среде, в информационном и художественном пространстве не менее сильна толерантность нелиберального плана, а «ценностный плюрализм» и семантический хаос усиливают духовный разброд в общественной динамике. Спорными являются любые односторонние оценки сложившейся ситуации. С одной стороны, невозможно и недопустимо ограничивать культурное разнообразие как достижение культурной политики последнего десятилетия. С другой стороны, полагать, что подобная конфигурация полностью отвечает демократическим принципам, также ошибочно, поскольку демократия, которая основывается на свободе, предполагает уважение к свободе других, признание за каждым права на такую свободу. Это, в свою очередь, требует формирования особой политической культуры в обществе. Поэтому *«демократия – прежде всего культурная проблема, которая не решается принадлежностью к определенной партии, словесными уверениями в преданности ей и даже приверженностью курсу экономических реформ. <...> Дефицит демократической культуры – возможно, самый большой дефицит, который сегодня испытывает наша страна. Он отчетливо ощутим во всех ветвях власти и на всех ее уровнях (выделено нами. – авторы)»* [7, с. 126].

Таким образом, демократия обеспечивает культуру коммуникаций в обществе, а государ-

ство *формирует ценностно-смысловое пространство для социокультурного взаимодействия*, создавая условия для коммуникации всех тех, кто выдвигает альтернативные ценности, идеи и взгляды. Но это может быть основано только на принципе согласования типологически значимых интересов с общенациональными интересами.

В такой ситуации властвующая элита призвана сделать важный шаг к гражданской консолидации социальных и этнокультурных объединений. Их авторитетные представители должны выразить те высшие ценности, стратегические смыслы общественного развития, в основу которых будут заложены коды отечественной цивилизации. Эти ценности и принципы не формулируются в жестких политико-идеологических формах (хотя идеологические компоненты здесь неизбежно дадут о себе знать). Тем более бессмысленно запрещать эти смыслы и ценности как духовную основу государственного строительства, так как они исторически определяют нашу культурную эволюцию. Новый виток борьбы с ними будет вести к дальнейшему ослаблению государства и в очередной раз приведет к смене властвующей элиты.

По содержанию – это ценностные основания для понимания смысложизненных основ общественного и индивидуального существования, представления об иерархическом соотношении разных видов общественных ресурсов и благ, форм собственности, об упрочении традиционной семьи и многодетности, о значении труда и отдыха в жизни граждан, о формировании у них чувства этнокультурной идентичности и разных форм коллективной идентичности и т. п. Важное место среди высших ценностей займут смыслы государственного строительства: упрочение суверенитета и целостности страны; семантика патриотизма, военного строительства и национальной безопасности², принципы национальной политики и межэтнических взаимоотношений и др. Тем самым будет положена основа *высшего уровня-контура культурной политики*. Формирование данного уровня позволит вплотную подойти к обоснованию так называемой государственной культурной политики широкого диапазона³.

В настоящее время культурная политика не обладает разветвленной системой иерархических уровней, которые находились бы во взаимодействии между собой, что спонтанно складывалось в советский период. В «Основах государственной культурной политики» для реализации концептуальных положений культурной политики этого уровня предлагается создание координационного

органа и контурно определены его полномочия. Центральными принципами деятельности этого субъекта культурной политики должны стать многоуровневая координация и коммуникативное взаимодействие разных ветвей власти [26].

Следующий шаг связан с преобразованием ведущих целей и стратегий развития самого культурного ведомства и формирует *второй уровень-контур культурной политики*. Сохраняя часть существовавших параметров деятельности, нынешнее ведомство культуры должно четко определиться с высшими целями и национальной стратегией своей деятельности, с профессиональными и общекультурными компетенциями, проводить продуманную кадровую политику. Сегодня эти аспекты государственного управления сферой культуры дебатированы в аналитическом пространстве, где представлен широкий диапазон разных мнений [2, 19, 20]. На наш взгляд, актуализируется еще одна задача: данному ведомству должен быть придан высокий государственный статус, расширяющий его управленческие, координирующие, экспертно-диагностирующие возможности [13]. Все это позволит наделить отраслевую практику более высокой ответственностью, повысит меру сотрудничества с другими ведомствами, укрепит обратную связь с населением. При этом важно признать, что работа ведомства по-прежнему не сможет вместить всю полноту управленческого регулирования национально-культурного развития РФ. Необходимо выстраивать дополнительные уровни-контуры, придающие культурной политике целостный и результативный характер.

Особое внимание предстоит обратить на создание *третьего уровня-контура*, который через деятельность ряда смежных отраслей сможет влиять на культуроразвивающий потенциал общества, поддерживая спонтанные механизмы социокультурного воспроизводства в рамках своих ведомств. Речь идет о политике в сфере образования и науки, социальных, а также межэтнических отношений, об информационной политике, политике в сфере туризма, работы с молодежью, а также семьи, материнства и детства и др. Ныне каждая из указанных ведомственных единиц в значительной мере действует сама по себе, зачастую в отрыве от объективных потребностей культурного строительства и вне рамок межведомственного сотрудничества. Так, в ходе социокультурного проектирования и внедрения инноваций в любом виде структурных подразделений этого уровня необходимо учитывать принципы «критического порога культурной модификации» объекта управления. В деятельности любой от-

раслевой структуры важно поддерживать оптимальную ориентацию на сохранение ее духовной основы и принцип культурной органичности, на соразмерность проектируемых перемен по отношению к базовым традициям и т. п. [5, 10]. Во всех этих случаях работники Министерства культуры призваны сотрудничать с сопредельными структурами, в некоторых случаях выполняя диагностические, экспертные функции в понимании национально-культурных аспектов их развития, овладевать современными системными межведомственными принципами управленческого мышления и программно-проектными методами и технологиями. И на этом уровне культурной политики деятельность координирующего органа также позволит компенсировать отсутствующие в Министерстве культуры РФ компетенции.

Особо сфокусируем внимание на *уровне культурной политики*, который может быть представлен любым вектором правительственной деятельности – ведомством экономического развития, финансов, межгосударственных отношений, военного строительства, миграционной службы и т. п. Поскольку любой вид человеческой деятельности содержит специфические культурные комплексы, свойства, признаки, все направления политического регулирования так или иначе способны влиять на общее состояние национальной культуры. Специалисты по проблемам культурного развития могут выступать экспертами в решении ведомственных проблем, приобретающих ярко выраженный культурный характер.

Современная практика культурной политики выработала новый уровень, который, по существу, отсутствовал в советский период. Речь идет о политике в масштабе региональных культур и муниципальных образований. Данный управленческий уровень отображает локальное культурное многообразие, регулирует процессы культурного развития на местах. Он не всегда совпадает по параметрам с контурами государственно-отраслевого уровня, хотя частично пересекается с ними по направлениям, формам и структуре [1, 4, 5, 6, 11, 23]. В компетенцию данного уровня, как правило, входят функции, аналогичные общесоюзному ведомству по культуре, однако особенности региональной политики ныне связаны с большей конкретизацией форм и разнообразием подходов к решению культурных проблем населения. Региональная культурная политика отличается самостоятельностью, а руководители отрасли учатся брать на себя бремя ответственности за инициативы и региональные проекты, поддерживая инновационные площадки. Культура выступает и как самоценность и как ресурс

социально-экономического развития, что отвечает одобренным международным сообществом процессам и не противоречит тенденциям саморазвития отечественной культуры [8]. Формируются межрегиональные объединения, успешно действующие в пространстве федеральных административных округов, комплексно решающие вопросы социокультурного развития российских территорий.

Эти тенденции в управлении реализуются в контексте культуротворческой активности населения, поскольку изложенное выше прогностическое видение культурной политики не сводит ее сущность и результаты к политическому регулированию, ведомственной и межведомственной деятельности. В стране формируются конструктивные силы, которые рожают новые духовные запросы, вырабатывают социальные практики, заключающие в себе созидательное начало и, что неожиданно для многих, вольно или невольно оппонировавшие тем, кто не видит в отечественной культуре конструктивных начал. К примеру, создаются общественные объединения, которые поддерживают интерес к отечественной истории, к возрождению народного хорового пения, этнического стиля одежды, где органично сливаются народные традиции и современные начала, расширяется интерес к кухне народов страны и т. п. Серьезные повороты в общественном сознании России происходят в родительской среде; получает распространение общинное движение; интересны попытки монахов, воспитывающих детей-сирот, совместить духовное развитие учеников с некоторыми видами светского образования и обучения, а также с комплексной социализацией подростков; добровольчество и волонтерство закрепляются на уровне культурной нормы как фундамент гражданского общества [21, с. 38–39].

Это далеко не все самодеятельные виды культурной активности граждан, которые развиваются в современной России. Вопрос об источниках инновационной деятельности – один из самых сложных, поскольку социокультурные процессы развиваются в режиме самоорганизации, а также продуцируются под воздействием управленческих решений, направленных на достижение стратегических целей культурной политики. Вместе с тем следует признать, что сама по себе культурная активность и самоорганизация широких кругов населения не в состоянии преодолеть кризисные тенденции российского общества. Для этого необходимо соединение ведущих консолидированных субъектов, способных осуществлять стратегическую активность и поддерживать позитивное социокультурное развитие страны; со-

гласование действий субъектов культурной политики.

Многоуровневая культурная политика российского государства

Представленная нами модель культурной политики РФ широкого масштаба основывается не только на авторских убеждениях, но опирается на позиции других отечественных исследователей, а также на осмысление тех исторических и актуальных тенденций, которые рождались на протяжении 100–200 лет в российской политике и социокультурной практике.

По нашему мнению, широко понятая, многоуровневая культурная политика государства в современных условиях, по существу, должна охватывать ведущие пространства и направления национального развития, не ограничиваясь лишь сферой компетенции культурных отраслей. С одной стороны, это обусловлено сложным строением отечественной культуры, с другой – ее уязвимость перед расширением проектно-управленческой деятельности в кризисных условиях России, когда при отсутствии гражданского консенсуса разные социальные силы ставят перед собой неодинаковые, зачастую противоположные цели, пытаясь их воплотить любой ценой. Последствия реализации разнонаправленных целей, как правило, оказываются неожиданными для самих субъектов, а также негативными для всего общества, которое переживает кризисный период перехода к новой модели жизнедеятельности. В результате социальный организм испытывает перегрузки, а национальная культура проявляет свидетельства деградации.

Центральной проблемой при многоуровневом управлении становится осуществление координации разных сфер управления, выбор государством коммуникативной стратегии, обеспечивающей эффективность системы взаимодействия между властями всех уровней, а также между властями и гражданами. В настоящее время, как показывает практика, не исключено дублирование либо «сбрасывание» функций федерального уровня на региональные власти. Самым сложным оказывается отсутствие понимания границ свободы и зон ответственности. В отличие от управления в сфере культуры как операциональной деятельности разных субъектов, направленной на реализацию конкретных целей, культурная политика не столь жестко рационализирована, если смотреть на нее с культурологических позиций. Действиям разных субъектов задаются широкие горизонты проявления творчества и индивидуальных подходов в рамках ценностно-смысловых

координат. Поэтому и разработка концепции культурной политики, и тем более ее реализация – сложнейший процесс, разворачивающийся во времени, включающий разностороннюю деятельность по согласованию культурных ценностей и интересов разных социальных групп.

Многоуровневая культурная политика не может быть односторонне ориентирована лишь на восстановление отечественных традиций. Это невозможно. Речь идет о широком диапазоне поиска и отработки в ее рамках органичного сплава культурных традиций и инноваций. В такой модели культурной политики возможно отслеживать как позитивные, так и отрицательные тенденции культурного развития, видеть проблемные локусы, где беспорядочно перемешиваются устаревшие традиции, проблемные ценности, спорные образцы, опасные для нашей культуры. При этом нежелательны произвольные запреты, грубое администрирование, насильственные действия по отношению к целостным процессам культурной самоорганизации. Действенность такой политики выражается в стратегическом анализе, продуманных административных мерах, во взвешенных управленческих усилиях, которые направлены на наиболее важные механизмы и реперные точки самоорганизации с целью поддержать в культуре созидательные тенденции и снизить силу разрушительных процессов. Таким образом, культурная политика широкого действия способствует минимизации источников и последствий кризисного развития, постепенно преодолевая их.

Отработка многоуровневой культурной политики в России неизбежно станет сложным процессом, в который, как отмечено выше, должны включиться ведущие консолидированные субъекты стратегического действия и национального развития: во-первых, институты государства и российская полиэтничная нация; во-вторых, ведущие представители власти и гражданское общество, в том числе научное, педагогическое, профессиональное творческое сообщество; в-третьих, представители исторических регионов, крупных городов, а также жители провинции, глубинки, отдаленных или малообжитых территорий. Между этими субъектами необходима устремленность к единству в понимании сущности отечественной культуры и основных целей культурной политики. Важно также отработать диалоговый режим между ними относительно тех трансформаций, которые имеют место в национальной российской культуре сегодня и произойдут в ближайшем будущем.

Стратегические цели, смыслы, практические механизмы культурной политики будут опреде-

ляться не столько через медийное пространство или в полемических дискуссиях; особое значение обретает ответственная управленческая деятельность властей разных уровней, а также жизненная активность российских граждан. В общественной практике и диалоговых взаимосвязях между властью и обществом будет отрабатываться сложный синтез конструктивных культурных форм, в которые органично войдут исторические традиции, достижения имперского и советского периодов, выдержавшие испытание временем, а также современные инновации, не конфликтующие с кодами отечественной культуры. Тот факт, что государство как субъект культурной политики утвердило после публичного обсуждения концепцию новой культурной политики и на этой основе разрабатывает стратегию реализации, оценивается нами как важный шаг в этом движении, вселяющий надежду на конструктивное обновление и самой политики.

Библиографический список

1. Аванесова, Г. А., Астафьева, О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: Механизмы самоорганизации и культурная политика [Текст] / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева. – М. : РАГС, 2004. – 424 с.
2. Астафьева, О. Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива [Текст] / О. Н. Астафьева // Государственная служба. – 2010. – № 1. – С. 68–73.
3. Астафьева, О. Н., Аванесова, Г. А. Развитие национальной культуры и культурная политика в Российской империи и СССР: сравнительный анализ [Текст] / О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4.
4. Винокурова, Е. П. Культурная политика в Республике Саха (Якутия): Культурная политика в Республике Саха (Якутия): этно- и геокультурные особенности [Текст] / Е. П. Винокурова. – Сибирское отделение «Наука», 2014. – 150 с.
5. Востряков, Л. Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение [Текст] / Л. Е. Востряков. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. – 344 с.
6. Горлова, И. И. Культурная политика в современной России: региональный аспект [Текст] / И. И. Горлова. – Краснодар : Изд-во ЭДВИ, 2002.
7. Даль, Р. Демократия и ее критики [Текст] / Р. Даль. – М. : РОССПЭН, 2003. – 576 с.
8. Декларация Ханчжоу «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития» [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – 2013.05.17. – URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf (дата

обращения: 20.05.2015)

9. Иванова, Е. В. Кризисы духовной культуры и их влияние на безопасность государства [Текст] : монография / Е. В. Иванова. – М., 2014.

10. Костина, А. В., Гудима, Т. М. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального [Текст] / А. В. Костина, Т. М. Гудима. – М. : ЛКИ, 2007. – 240 с.

11. Кочеляева, Н. А. Стратегическое планирование в сфере культуры: российский опыт региональной культурной политики [Текст] / Н. А. Кочеляева // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Том I (Культурология). – С. 206–211.

12. Культура и культурная политика. Культурные потребности молодежи: динамика в условиях социокультурных изменений. Вып. 8 [Текст] / общ. ред. О. Н. Астафьева и др. – М. : РАГС, 2010. – 242 с.

13. Культура и культурная политика. Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций : материалы XXVIII научно-методол. Семинара / под ред. В. К. Егоров, О. Н. Астафьева. – Вып. 6–7 [Текст]. – М. : РАГС, 2009. – 290 с.

14. «Культура не нуждается в социальном признании»: интервью с министром культуры М. Швыдким [Текст] / М. Е. Швыдкой // Известия. – 2000. – 16 мая.

15. Культурная политика России : История и современность: Два взгляда на одну проблему [Текст] / Российский институт культурологии / отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. – М. : Либерия, 1998. – 296 с. – Альманах (прил. к журн. «Библиотека»).

16. Ориентиры культурной политики [Текст] / Серия. Вып. 1–10. – М. : ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996.

17. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации (Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2006 № МФ-П44–2462)

18. Право и культура [Текст] : коллективная монография / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, И. Н. Барциц, Ю. А. Веденин, С. Н. Горушкина и др. ; общ. ред. В. К. Егоров, Ю. А. Тихомиров, О. Н. Астафьева. – М. : Изд-во РАГС, 2009. – 464 с.

19. Реут, Д. В. О месте, структуре и содержании управления в системе деятельности [Текст] / Д. В. Реут // Философия управления: проблемы и стратегии / отв. ред. В. М. Розин. – М. : 2010. – 347 с.

20. Савинков, В. И. Коммуникативные стратегии культурной политики России (Коммуникативные стратегии становления и развития современной культурной политики России: социологический анализ) [Текст] : монография / В. И. Савинков. – М. : Изд-во РАГС, 2011. – 210 с.

21. Синецкий, С. Б. Волонтерство в контексте культурной политики современной России [Текст] / С. Б. Синецкий. – Челябинск : ЧГАКИ, Благовори-

тельный фонд «Сопричастность», 2006. – 112 с.

22. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего [Текст] / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 288 с.

23. Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации [Текст] : коллективная монография : в 2 частях / общ. ред. О. Н. Астафьевой. – СПб. : ЭЙДОС, 2014. – 639 с.

24. Теоретические основания культурной политики [Текст] : сб. науч. ст. / Рос. ин-т культурологи ; сост. Э. А. Орлова ; отв. ред. Э. А. Орлова, Е. Н. Соколов. – М., 1993. – 272 с.

25. Указ Президента РФ «Об основах государственной культурной политики» № 808 от 24.12.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/d872bf5740c10eb56cd05984210fba54a590e707/

26. Указ Президента РФ № 375 «О проведении Года культуры в Российской Федерации» от 22.04.2014 г.

27. Фохт-Бабушкин, Ю. У. Искусство в жизни молодых поколений России. Достигнутые эффекты, упущенные возможности и сохраняющиеся надежды [Текст] / Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб. : Алетея, 2005. – 320 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avanesova, G. A., Astaf'eva, O. N. Sociokul'turnoe razvitiye rossijskikh regionov: Mehanizmy samoorganizacii i kul'turnaja politika [Tekst] / G. A. Avanesova, O. N. Astaf'eva. – М. : RAGS, 2004. – 424 с.

2. Astaf'eva, O. N. Kul'turnaja politika Rossii: teorija – real'nost' – perspektiva [Tekst] / O. N. Astaf'eva // Gosudarstvennaja sluzhba. – 2010. – № 1. – S. 68–73.

3. Astaf'eva, O. N., Avanesova, G. A. Razvitiye nacional'noj kul'tury i kul'turnaja politika v Rossijskoj imperii i SSSR: sravnitel'nyj analiz [Tekst] / O. N. Astaf'eva, G. A. Avanesova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 4. – S.

4. Vinokurova, E. P. Kul'turnaja politika v Respublike Saha (Jakutija): Kul'turnaja politika v Respublike Saha (Jakutija): jetno- i geokul'turnye osobennosti [Tekst] / E. P. Vinokurova. – Sibirskoe otdelenie «Nauka», 2014. – 150 s.

5. Vostrjakov, L. E. Regional'naja kul'turnaja politika poreformnoj Rossii: sub#ektnoe izmerenie [Tekst] / L. E. Vostrjakov. – СРб.: Изд-во SZAGS, 2005. – 344 с.

6. Gorlova, I. I. Kul'turnaja politika v sovremennoj Rossii: regional'nyj aspekt [Tekst] / I. I. Gorlova. – Krasnodar : Izd-vo JeDVI, 2002.

7. Dal', R. Demokratija i ee kritiki [Tekst] / R. Dal'. – М. : ROSSPJeN, 2003. – 576 с.

8. Deklaracija Hanchzhou «Obespechit' central'noe mesto kul'tury v politike ustojchivogo razvitija» [Jel'ektronnyj resurs] // JuNESKO: Organizacija Ob#edinennyh Nacij po voprosam obrazovanija, nauki i kul'tury. – 2013.05.17. – URL:

<http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/>

CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf (data obrashhenija: 20.05.2015)

9. Ivanova, E. V. Krizisy duhovnoj kul'tury i ih vlijanie na bezopasnost' gosudarstva [Tekst]: monografija / E. V. Ivanova. – M., 2014.

10. Kostina, A. V., Gudima, T. M. Kul'turnaja politika sovremennoj Rossii: sootnoshenie jetnicheskogo i nacional'nogo [Tekst] / A. V. Kostina, T. M. Gudima. – M.: LKI, 2007. – 240 s.

11. Kocheljaeva, N. A. Strategicheskoe planirovanie v sfere kul'tury: rossijskij opyt regional'noj kul'turnoj politiki [Tekst] / N. A. Kocheljaeva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 2. – Tom I (Kul'turologija). – S. 206–211.

12. Kul'tura i kul'turnaja politika. Kul'turnye potrebnosti molodezhi: dinamika v uslovijah sociokul'turnyh izmenenij. Vyp. 8 [Tekst] / obshh. red. O. N. Astaf'eva i dr. – M.: RAGS, 2010. – 242 s.

13. Kul'tura i kul'turnaja politika. Jekspertno-analiticheskaja dejatel'nost' v strukture professional'nyh kompetencij: materialy HHVSh nauchno-metodol. Seminara / pod red. V. K. Egorov, O. N. Astaf'eva. – Vyp. 6–7 [Tekst]. – M.: RAGS, 2009. – 290 s.

14. «Kul'tura ne nuzhdaetsja v social'nom priznanii»: interv'ju s ministrom kul'tury M. Shvydkim [Tekst] / M. E. Shvydkoj // Izvestija. – 2000. – 16 maja.

15. Kul'turnaja politika Rossii: Istorija i sovremennost': Dva vzgljada na odnu problemu [Tekst] / Rossijskij institut kul'turologii / otv. red. I. A. Butenko, K. Je. Razlogov. – M.: Libereja, 1998. – 296 s. – Al'manah (pril. k zhurn. «Biblioteka»).

16. Orientiry kul'turnoj politiki [Tekst] / Serija. Vyp. 1–10. – M.: GIVC Minkul'tury RF, 1996.

17. Osnovnye napravlenija gosudarstvennoj politiki po razvitiyu sfery kul'tury i massovyh kommunikacij v Rossijskoj Federacii do 2015 goda i plan dejstvij po ih realizacii (Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 01.06.2006 № MF-P44–2462)

18. Pravo i kul'tura [Tekst]: kollektivnaja monografija / G. A. Avanesova, O. N. Astaf'eva, I. N. Barcic, Ju. A. Vedenin, S. N. Gorushkina i dr.; obshh. red. V. K. Egorov, Ju. A. Tihomirov, O. N. Astaf'eva. – M.: Izd-vo RAGS, 2009. – 464 s.

19. Reut, D. V. O meste, strukture i sodержanii upravlenija v sisteme dejatel'nosti [Tekst] / D. V. Reut // Filosofija upravlenija: problemy i strategii / otv. red. V. M. Rozin. – M.: 2010. – 347 s.

20. Savinkov, V. I. Kommunikativnye strategii kul'turnoj politiki Rossii (Kommunikativnye strategii stanovlenija i razvitija sovremennoj kul'turnoj politiki Rossii: sociologicheskij analiz) [Tekst]: monografija / V. I. Savinkov. – M.: Izd-vo RAGS, 2011. – 210 s.

21. Sineckij, S. B. Volonterstvo v kontekste kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii [Tekst] / S. B. Sineckij. – Cheljabinsk: ChGAKI, Blagotvoritel'nyj fond «Soprichastnost'», 2006. – 112 s.

22. Sineckij, S. B. Kul'turnaja politika HHI veka: ot precedenta Istorii k proektu Budushhego [Tekst] / S. B. Sineckij. – Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. – 288 s.

23. Sovremennaja kul'turnaja politika kak kreativnaja dejatel'nost': upravlenie i innovacii [Tekst]: kollektivnaja monografija: v 2 chastjah / obshh. red. O. N. Astaf'evoj. – SPb.: JeJDOS, 2014. – 639 s.

24. Teoreticheskie osnovanija kul'turnoj politiki [Tekst]: sb. nauch. st. / Ros. in-t kul'turologii; sost. Je. A. Orlova; otv. red. Je. A. Orlova, E. N. Sokolov. – M., 1993. – 272 s.

25. Ukaz Prezidenta RF «Ob osnovah gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» № 808 ot 24.12.2014 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1727_06/d872bf5740c10eb56cd05984210fba54a590e707/

26. Ukaz Prezidenta RF № 375 «O provedenii Goda kul'tury v Rossijskoj Federacii» ot 22.04.2014 g.

27. Foht-Babushkin, Ju. U. Iskusstvo v zhizni molodyh pokolenij Rossii. Dostignutye jeffekty, upushhennye vozmozhnosti i sohranajushhiesja nadezhdy [Tekst] / Ju. U. Foht-Babushkin. – SPb.: Aletejja, 2005. – 320 s.

¹ Структура министерства неоднократно менялась: с 1991 г. сохранилось Министерство культуры России, но уже в 1992 г. было образовано Министерство культуры и туризма РФ, в конце года вновь вернулись к прежнему названию; в 2004 г. на базе ряда ведомств было создано Министерство культуры и массовых коммуникаций и с 2008 г. – вновь Министерство культуры Российской Федерации.

² Вопросы данной проблематики рассмотрены в работах Г. А. Аванесовой, В. Н. Гребенькова, К. К. Колина, Г. В. Сменсарева, А. В. Суконкина и др.; системно изложены в работе Е. В. Ивановой [9].

³ Об уровнях расширенной культурной политики государства в нашей стране см. первую статью авторов, опубликованную в журнале «Ярославский педагогический вестник» [3].